

ЧАСТЬ 1.

Историческая почва и источники никоновских идей.

Глава I. Значеніе существа римской языческой и христіанской религіи для положенія ихъ въ государствѣ

Отношеніе Римскаго государства къ языческой религіи. Императоръ Понтифексъ Максимусъ. — *Jus sacrum civile* — составная часть государственнаго Римскаго права. Оно не есть самостоятельная область права. — *Jus divinum naturale* связано по своему источнику съ естественнымъ правомъ, регулирующимъ человѣческія отношенія. — Жречество въ пониманіи римлянъ не есть служеніе, установленное богами. — Римская государственная религія не имѣетъ самостоятельной задачи, и управленіе ея дѣлами вѣдаетъ государство. — Права Римскихъ императоровъ въ дѣлахъ культа. — Матеріальныя средства для государственнаго богослуженія въ языческомъ Римѣ даются государствомъ. — Надзоръ за нравственностью въ языческомъ Римѣ — обязанность государства и не дѣло религіи. — Судъ по религіознымъ преступленіямъ въ языческомъ Римѣ принадлежитъ государству. — Резюмѣ о положеніи языческой государственной религіи въ Римѣ. — Церковь христіанская, какъ общество особое съ своими цѣлями, средствами, независимое отъ государства. — О церковномъ законѣ. — Ученіе Іоанна Златоуста о церковномъ законѣ. — Органы церковной власти. — Іоаннъ Златоустъ о церковной власти въ объективномъ смыслѣ. — Характеръ церковныхъ наказаній по Златоусту.

Главной темой, затронутой Никономъ въ его твореніяхъ и жизни, является вопросъ объ отношеніи царской власти къ Церкви. Прежде, чѣмъ говорить о царской власти въ государствѣ православно-христіанскомъ и понять ея положеніе въ немъ, необходимо предположить ея положеніе въ государствѣ языческомъ. Это необходимо для того, чтобы отгнать ту принципиальную перемѣну въ государствѣ въ отношеніи къ религіи, которую создало появленіе христіанства, а также для того, чтобы понять тѣ остатки языческой государственности, которые пережили принятіе христіанства, какъ государственной религіи. Въ этомъ отношеніи для насъ первымъ дѣломъ является опредѣлить отношеніе къ религіи, которое создалось въ Римскомъ государствѣ, традиціи котораго перешли въ Византію, а затѣмъ выяснитъ то новое, что привнесено христіанствомъ въ отношеніи государства къ новой Богооткровенной религіи. Для послѣдняго необходимо показать ученіе самого христіанства въ лицѣ Отцовъ Церкви о томъ, что такое Церковь, церковный законъ и церковная власть. Также, выясняя отличіе Церкви христіанской отъ языческой Римской государственной религіи, можно понять всю глубину перемѣны въ отношеніи государства къ Церкви и Церкви къ государству, которую мы наблюдаемъ при сравненіи отношеній христіанскаго государя къ своей Церкви съ отношеніемъ государя языческаго государства къ языческой государственной религіи. Если не касаться существа различія христіанской и языческой религіи, то эта перемѣна окажется совсѣмъ непонятной, а при незамѣченности ея возможно перенесеніе вполне естественныхъ явленій въ языческомъ мірѣ въ міръ христіанскій и тѣмъ самымъ искаженіе нормы должныхъ съ точки зрѣнія Церкви отношеній между государствомъ и Церковью. Однимъ изъ такихъ пережитковъ язычества является теорія цезарепапизма, благодаря живучести Римской языческой традиціи. Вопросъ о постановкѣ языческой государственной религіи въ Римской Имперіи

и идейный переворотъ, произведенный христіанствомъ черезъ созданіе Христіанской Церкви, какъ особаго организма, изученъ по подлинникамъ языческой древности проф. Бердниковымъ въ его сочиненіи „Государственное положеніе религіи въ Римской Имперіи“, конечными выводами коего мы и воспользуемся.

Отношеніе Римскаго государства къ языческой религіи. Императоръ Pontifex Maximus.

Римскій принципатъ былъ завершеніемъ Римской демократіи послѣднихъ временъ республики. Власть императора основывалась на верховной волѣ народа. Самодержавіе народа было неизмѣннымъ правиломъ Римскаго государственнаго права до Діоклетіановской монархіи. Лишь въ концѣ III вѣка принципатъ преобразовался въ самодержавіе. Первоначально этотъ народъ составляли патриціи, считавшіе себя источникомъ правительственной власти и единственными хранителями ауспицій, вопрошавшими волю боговъ. Они основывали свои политическія права на исключительныхъ религіозныхъ отношеніяхъ къ богамъ покровителямъ Рима: только они могли править благополучно и согласно волѣ боговъ. *Auspicium* и *imperium* были тѣсно связаны. Римское государство всегда считало необходимымъ для своего благополучія имѣть боговъ-покровителей и чествовать ихъ опредѣленнымъ образомъ, и къ числу главнѣйшихъ обязанностей Римскаго государственнаго чиновника принадлежало принесеніе богамъ отъ лица государства жертвъ и устроеніе положенныхъ праздниковъ и обрядовъ. Этотъ принципъ неразрывности ауспиціи съ имперіумомъ выдерживался на всемъ протяженіи Римской государственности, и различія эпохъ — только въ томъ, что то, что было сначала привиллегіей патриціата, стало впослѣдствіи достояніемъ должностей, созданныхъ Римской демократіей, впослѣдствіи влившихся въ императорскую должность, поглотившую въ себѣ всѣ остальные должности. Сначала жреческія обязанности, будучи составной частью *imperium'a*, выполнялись самими государственными чиновниками и лишь впослѣдствіи были перенесены на особую должность жрецовъ. Однако Римскій государственный (высшій) чиновникъ по прежнему оставался законнымъ представителемъ государства, спрашивающимъ волю боговъ отъ лица государства. Сами полномочія государственныхъ чиновниковъ обозначались *imperium auspiciumque*. Характерно, что народные трибуны, не имѣвшіе *imperium'a*, не пользовались правомъ просить у боговъ знаменій.

Самая власть государственная опиралась на религиозныя чувства, какъ на глубочайшее свое основаніе. Первообразъ власти, власть главы семейства вытекала изъ домашней религіи. Глава семейства — жрецъ у домашняго очага и послѣ смерти — предметъ почитанія для потомковъ; въ гражданской общинѣ не было природнаго священнаго владыки; власть основывалась на передачѣ и скрѣплялась религиознымъ актомъ — клятвой. Клятвой скрѣпляли обѣщанія чиновниковъ въ соблюденіи законовъ при вступленіи въ должность и при оставленіи должности, на ней же держались и международныя договоры. Уваженіе къ святости клятвы считалось лучшимъ обезпеченіемъ прочности всѣхъ отношеній. Отъ клятвы освобождались при свидѣтельствѣ только жрецъ Юпитера и весталки, чтобы не осквернился государственный культъ, въ случаѣ клятвопреступленія, и не подверглось государство гнѣву боговъ. Забота по снисканію покровительства боговъ считалась основой государственной дѣятельности, и потому Римское государство исполняло всѣ обязательства по отношенію къ нимъ и умилостивляло ихъ жертвами; оно всегда испрашивало благословенія и согласія боговъ на великія предпріятія. Выходило какъ будто, что многое зависѣло отъ жрецовъ, ибо всѣми дѣйствіями распоряжалась религія; но въ дѣйствительности Римская религія была служебнымъ орудіемъ въ рукахъ государства въ достиженіи имъ своихъ государственныхъ цѣлей. Римская государственная религія не имѣетъ смысла безъ Римскаго государства; она росла и развивалась въ зависимости отъ развитія государства. Варронъ такъ и писалъ, что сначала было основано государство, а потомъ создано государственное учрежденіе религиознаго культа. Она не имѣла безъ государства той самостоятельной жизни, задачи, отличающей ее отъ задачи государства, которую имѣетъ Христіанская религія. Она имѣла задачей оберегать матеріальные интересы государства. Каждый богъ завѣдывалъ какой либо стороною земной человѣческой и государственной жизни; молитвы къ богамъ заключали въ себѣ только просьбы о матеріальныхъ благахъ, у каждаго бога по его специальности, но нравственной стороны жизни и дѣятельности человѣка Римскіе боги не касались. Вопросами нравственности не занимался ни одинъ богъ. **Никто изъ боговъ не предписывалъ и не внушалъ нравственныхъ правилъ. Попеченіе о нравственности народа лежало на семьѣ и государствѣ; безъ боговъ появилась и философская мораль. При отсутствіи нравственныхъ обязанностей передъ богами Римляне ог-**

раничивали свои отношенія къ богамъ принесеніемъ жертвъ и даровъ, и у Римской государственной религіи не могло быть никакихъ разногласій съ государствомъ.

Бердниковъ говоритъ: „У Римской религіи не было своихъ идеаловъ ни интеллектуальныхъ, ни моральныхъ, которые могли бы стать въ разрѣзъ съ видами и стремленіями государства и могли бы сдѣлаться стѣснительными для свободнаго роста послѣдняго, не было своихъ особыхъ интересовъ, въ которыхъ она могла бы столкнуться съ интересами государства, не было особой миссіи на землѣ, выполненіе которой заставляло бы ее въ чемъ либо обособляться отъ государства. Римская государственная религія была поставщицей земныхъ благъ для Римскаго государства по его закону, за условленное вознагражденіе. Государство имѣло съ нею дѣло, потому что находило это выгоднымъ для себя. Оно могло, свободно руководствуясь только своими интересами, ограничить свои отношенія къ ней. И оно это дѣлало, когда находило возможнымъ обойтись безъ ея услугъ”.

Все отношеніе основывалось на формѣ и точности внѣшнихъ пріемовъ исполненія обряда, а впослѣдствіи стали отдѣливаться пустой формой; иногда и обрядъ не совершали, а просто заявляли, что онъ совершенъ: такъ авгуры не наблюдали небо по правиламъ науки, а просто могли возвѣщать, что видѣли благопріятное предзнаменованіе. Государство черезъ это облегчало свои обрядовыя обязательства, а главное могло себѣ обезпечить благоволеніе и согласіе боговъ на всѣ свои предпιάтія. **Выходило, что не боги управляли волей римлянъ, а римляне волей боговъ.** Въ концѣ Римской республики ауспиціи потеряли даже видъ благовидности и открыто стали игрушкой въ рукахъ политическихъ партій.

Августъ Фабій Максимъ откровенно говорилъ: „Что бы ни дѣлали для пользы государства, все дѣлается при добрыхъ ауспиціяхъ, а что было бы предложено во вредъ государству, того не дозволяютъ ауспиціи”. Обращеніе съ Сивиллиными книгами было, также, подъ вліяніемъ политическихъ расчетовъ; онѣ, также, были средствомъ для правительственныхъ лицъ вліять на ходъ общественныхъ дѣлъ: отвѣты давались, примѣняясь къ обстоятельствамъ, къ положенію политическихъ дѣлъ, къ общественному мнѣнію.

Jus sacrum civile — составная часть государственного римского права. Оно не есть самостоятельная область права.

Показателем отношенія Римской религіи къ государству служить Римское священное право. Оно не было самостоятельной областью права по отношенію къ государственному праву, а совпадало съ нимъ по содержанію и задачѣ. Право это — то, что призналъ таковымъ Богъ — *fas*, нарушение установленнаго порядка — нарушение воли Божіей — *nefas*. Однако, наряду съ древними нормами, посвященными религіи, оставшимися для патриціата, появились другія нормы правовыхъ отношеній подѣ санкціей государства. Ради священнаго характера древнія нормы цѣнились выше позднѣйшихъ, и законное во всѣхъ отношеніяхъ называлось соотвѣтствующимъ *jus fasque* или *divinum et humanum jus*. Это *fas*, *jus divinum* по своему содержанію не отличалось отъ *jus humanum*, а только дополняло его. Это — то же самое право, но въ древнѣйшей формѣ, право патриціанское въ противоположность позднѣйшему, болѣе свободному праву (*confarreatio* — *coemptio*, *usus*; *argogatio* подѣ наблюденіемъ понтифекса — *adoptio* передѣ государственнымъ чиновникомъ). Характеръ священнаго права виденъ и изъ его составныхъ частей — *jus fetiale*, *jus augurum* и *jus pontificium*. **Jus fetiale** регулировало обряды веденія международныхъ сношеній, веденія переговоровъ, объявленія войны, заключенія мира. *Jus augurum* регулировало совершеніе ауспиціи во всѣхъ случаяхъ государственной жизни и разсматривало возникавшіе отсюда вопросы государственнаго права. *Jus pontificium* опредѣляло отправленіе культа частнаго и общественнаго, которое соприкасалось съ гражданскимъ правомъ и судебнымъ процессомъ; оно распоряжалось государственнымъ календаремъ и черезъ это вліяло на теченіе государственной жизни. Священное право цѣликомъ входило въ область гражданскаго права и не представляло особенной самостоятельной области права.

У Ульпіана священное право является составной частью государственнаго: *Publicum jus est quod ad statum rei romanae spectat, privatum quod ad singulorum utilitatem*. *Publicum jus in sacris, in sacerdotibus, in magistratibus consistit*¹. Объ участіи права священнаго въ правѣ частномъ не сказано, ибо частное право уже эманципировалось въ это время отъ священнаго почти совсѣмъ. Правовѣдѣніе было

¹ Публичное право касается положенія дѣль общественныхъ, а частное право пользы отдѣльныхъ лицъ. Публичное право нормируетъ священнодѣйствія, обязанности жрецовъ, чиновниковъ.

сподручнымъ дѣломъ для понтифексовъ, ибо правовѣдомъ образованнымъ могъ считаться только тотъ, кто зналъ и право Божественное и человѣческое; самые законы надо было искать въ священныхъ книгахъ.

Знакомство съ греческой философіей дало толчокъ въ области правовѣдѣнія.

Jus divinum naturale по своему источнику связано съ естественнымъ правомъ, регулирующемъ человѣческія отношенія.

Греческая философія показала существованіе права съ новымъ источникомъ, права естественнаго. Съ точки зрѣнія новаго права человѣкъ имѣлъ извѣстныя права по своей природѣ внѣ всякаго соотношенія съ гражданскимъ правомъ. Въ силу него всѣ люди свободны, и рабства нѣтъ; союзъ мужчины съ женщиной, рожденіе и воспитаніе дѣтей, взаимныя отношенія родителей и дѣтей подлежатъ ему; всѣ люди на землѣ безъ различія происхожденія и національности составляютъ одно общество, управляемое однимъ общимъ Божественнымъ закономъ. Это естественное родство налагаетъ обязанности на отношенія другъ съ другомъ: злой умыселъ, коварство, нажива черезъ ущербъ другому противны естественному нраву. Но во всемірное земное общество входятъ и боги. И у всѣхъ людей есть чествованіе боговъ. Изъ этихъ естественныхъ отношеній человѣка къ своимъ богамъ возникаетъ естественное *jus divinum*. Такъ и естественное право, подобно положительному, раздѣляется на *jus divinum* съ принципомъ *religio* и *jus humanum* съ принципомъ *aequitas*. У *jus divinum naturale* другой источникъ, чѣмъ у *jus sacrum civile*; послѣднее установлено гражданами, а *jus divinum naturale* происходитъ изъ естественнаго закона, даннаго природѣ высшей силой. *Jus sacrum civile* дѣйствуетъ въ предѣлахъ установившаго его государства. *Jus divinum naturale* имѣетъ силу во всемъ мірѣ для всѣхъ людей. *Jus sacrum civile*, какъ человѣческое учрежденіе, подлежитъ измѣненію, а *jus divinum naturale* — верховный божественный законъ — долженъ оставаться неизмѣннымъ. *Jus divinum naturale* выше *jus sacrum civile* и служитъ для него идеаломъ. Но естественное право покоится въ природѣ человѣка, въ его субъективномъ сознаніи и, потому, пока не формулировано въ положительное право, не имѣетъ обязательной силы положительнаго права и на дѣлѣ ему уступаетъ. **Общее между *jus sacrum civile* и *jus divinum naturale* то, что и послѣднее не выдѣляетъ отношеній человѣка къ богамъ изъ отношеній его къ людямъ, и въ естественномъ правѣ священное**

право такъ же нераздѣльно связано съ правомъ человѣческимъ по своему источнику, какъ и въ положительномъ правѣ. Такъ священное право, служившее существеннымъ выраженіемъ римскаго государственнаго культа, не составляло у римлянъ особой правовой области, имѣющей особую задачу, проистекающую изъ особаго источника. Какое же положеніе римское государство отводило служителямъ религіи? Подобно всѣмъ другимъ римскимъ чиновникамъ, служившимъ не для жалованія, а чести ради, и жрецы служили ради чести.

Жречество въ пониманіи римлянъ не есть служеніе, установленное богами.

Жречество у римлянъ не составляло особаго служенія, выше установленнаго. У римлянъ право и обязанность совершать жертвоприношенія были неразрывно связаны съ *imperium*'омъ. Въ частномъ быту жрецомъ былъ представитель власти — глава семейства, рода, коллегіи, братства. Въ государственномъ быту естественнымъ жрецомъ былъ глава государства. Полномочія умиловать боговъ отъ лица государства принадлежали представителямъ государственной власти. Жрецы были только помощниками государственныхъ чиновниковъ въ дѣлѣ умиловленія государственныхъ боговъ, свѣдущими и опытными въ дѣлахъ особой важности. Жрецы не имѣли *imperium*'а, и, слѣдовательно, не могли самостоятельно распоряжаться государственнымъ культомъ. Они не могли и вступать въ должность безъ помощи чиновника, обладающаго *imperium*'омъ.

Римская государственная религія не имѣетъ самостоятельной задачи и управленіе ея делами вѣдает государство.

У Римской государственной религіи не было своей самостоятельной задачи, отдѣльной отъ задачи государства, и потому она не имѣла своей особой организаціи, подобной той, которую мы видимъ въ Христіанской Церкви. Помимо участія въ гражданствѣ нельзя было получать доступа къ участію въ государственномъ культѣ; право участія въ государственномъ культѣ было доступно только римскимъ гражданамъ. Управление дѣлами религіи не отдѣлялось отъ управленія дѣлами государства, интересамъ котораго служила религія. Оно было въ вѣдѣніи и распоряженіи государственныхъ властей, какъ составная часть государственнаго управленія. Право законодательства въ дѣлахъ религіи принадлежало тѣмъ же властямъ, какъ и государствен-

ное законодательство. Государственный законъ регулировалъ вмѣстѣ съ государственными дѣлами и религіозныя дѣла. Обычай не только регулировалъ житейскія отношенія, но и религіозныя дѣла. Онъ былъ уставомъ при отправленіи богослуженія, училъ богопочтенію, руководилъ дѣятельностью понтифексовъ. **Что касается органовъ законодательства по дѣламъ религіи,** то таковыя выступаютъ по очереди по мѣрѣ измѣненія органовъ законодательной власти: цари; народныя комиціи, Сенатъ, Императоры. Послѣдніе до Діоклетіана издавали только постановленія съ силой закона, осуществляя свои права въ различныхъ формахъ: въ эдиктахъ (общія распоряженія о томъ или другомъ вопросѣ), въ рескриптахъ и посланіяхъ (гдѣ они давали свои отвѣты на вопросы правительственныхъ и частныхъ лицъ), въ декретахъ (судебныя рѣшенія), въ манда-тахъ, (инструкціи чиновникамъ). Они же издавали эдикты *de segetoniis publicis*, о погребеніи тѣлъ, въ пользу и противъ іудеевъ и христіанъ. Сенатъ давалъ разрѣшенія на отлучку жрецовъ изъ Рима, на освобожденіе жены Фламина Юпитера отъ юридической власти мужа, распоряжался о всѣхъ отношеніяхъ кромѣ богослужебныхъ, о правѣ убѣжища въ храмахъ, о непринятіи въ число государственныхъ боговъ Иисуса Христа, о коллегіи гаруспексовъ. **Правительственныя полномочія въ дѣлахъ культа, какъ видно, принадлежали государственнымъ властямъ, правившимъ и государственными дѣлами.** Попеченіе о дѣлахъ религіи прежде всего принадлежало высшему чиновнику римскаго государства — консулу, диктатору. Консуль назначалъ празднества по особымъ случаямъ, принималъ мѣры къ умилоствленію боговъ и по поводу чудесныхъ знаменій, давалъ обѣты за государство, совершалъ посвященія богамъ храмовъ, принималъ мѣры въ случаѣ отступленія отъ правилъ отечественныхъ культовъ. **Высшій чиновникъ государства былъ стражемъ религіи, не только государственнаго порядка.** Иногда выбирались особые чиновники съ спеціальными полномочіями въ дѣлѣ культа: диктаторы для устроенія игръ, для совершенія нарочитаго празднества, для закладки и постройки храмовъ, тріумвиры для пересмотра жертвоприношеній и даровъ, приносимыхъ богамъ.

Римскіе республиканскіе чиновники управляли дѣлами государства, но подъ верховнымъ надзоромъ Сената, который во время республики вѣдалъ всѣми религіозными дѣлами. Сенатъ заботился о поддержаніи государственнаго культа въ чистотѣ и неповрежденности и принималъ мѣры къ устраненію уклоненія отъ отечественныхъ

обычаевъ. Онъ заботился о поддержаніи мира между государствомъ и богами, онъ давалъ распоряженія о совершеніи обряда для умилоствленія боговъ; только онъ могъ справляться въ Сивиллинныхъ книгахъ о средствахъ умилоствленія боговъ. Онъ назначалъ благодарственныя молебствія, жертвоприношенія, тріумфы; онъ назначалъ средства на это. Никакая перемѣна въ культѣ недопустима была безъ Сената. **Съ развитіемъ демократическаго направленія въ римскомъ государствѣ народныя собранія заявляли притязанія и на верховенство въ дѣлахъ религіи.** Безъ согласія народа нельзя было дать объѣтъ, связывавшій государство; народъ разбиралъ жалобы на верховныхъ понтифексовъ; онъ по жалобѣ чиновника заставлялъ понтифекса совершать нужный обрядъ; онъ разбиралъ пререканія между органами религіознополитической власти. Во время имперіи полномочія народа были перенесены на Сенатъ и на императора; между ними раздѣлены правительственныя полномочія и въ дѣлахъ религіи; Сенатъ сообщалъ первосвященническое достоинство императору, назначалъ праздники и богомолья, когда того требовали особые случаи, дѣлалъ постановленія о пополненіи списка боговъ новыми богами.

Права Римскихъ императоровъ въ дѣлахъ культа

Императоры, совмѣщавшіе въ своемъ лицѣ должности всѣхъ республиканскихъ чиновниковъ, а также понтифекса и другихъ жрецовъ, пользовались естественно всѣми ихъ правами и исполняли ихъ обязанности по отношенію къ культу. Они заботились о возстановленіи запущенныхъ храмовъ, принимали мѣры къ поддержанію культа, къ сохраненію его въ чистотѣ, къ пресѣченію уклоненій отъ него, дѣлали распоряженія объ умилоствленіи боговъ, судили и наказывали весталокъ за нарушеніе цѣломудрія, пользовались правомъ назначать жрецовъ сверхъ штата по своему усмотрѣнію, дѣлали перемѣны въ уставѣ богослуженія, исправляли государственный календарь, учреждали новыя празднества, вводили чествованіе новыхъ боговъ съ назначеніемъ особыхъ жрецовъ, освобождали частныхъ лицъ отъ религіозныхъ обязательствъ передъ богами, были цензорами по изданію книгъ религіознаго содержанія. Во многихъ случаяхъ императорами усвояются права, которыя принадлежали *de jure* Сенату. По существу императоры дѣйствовали одни, хотя и черезъ посредство Сената, утратившаго фактическое значеніе республиканскаго времени: всѣ важнѣйшія дѣла въ Сенатѣ начина-

лись по инициативѣ императора и рѣшались по его волѣ. Ближе къ III вѣку все больше растетъ единоличное распоряженіе императора дѣлами государственной религіи за счетъ Сената. Жрецы въ управленіи религіозными дѣлами вообще не имѣли самостоятельной власти, но оказывали содѣйствіе государственнымъ чиновникамъ: напримѣръ, составляли уставъ богослуженія при посвященіи храма, о положеніи и правахъ храма для занесенія въ книгу, помогали чиновникамъ произносить формулу при посвященіи храма. Сенать запрашивалъ мнѣніе жрецовъ (Коллегіи понтифексовъ, квиндецемвировъ, авгуровъ), когда надо было умилоствлять боговъ, или возбуждался вопросъ о постройкѣ храма. **Но отвѣты ихъ имѣли юридическую силу только отъ утвержденія Сената, а не отъ жрецовъ;** раньше этого рѣшенія они и не приводились въ исполненіе. Жрецы, какъ свѣдующіе люди, естественно пользовались уваженіемъ Сената и народа. Они лучше знали, чѣмъ обязано государство передъ богами, не нарушенъ ли договоръ его съ богами, чѣмъ утолить ихъ гнѣвъ, какъ лучше согласить предположенный обрядъ съ правилами отечественнаго культа, какой культъ установить новому богу и т. д. **Но Сенать и народъ (а позже императоръ) имѣли рѣшающій голосъ во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ, не исключая и религіозныхъ.** Сенать обычно утверждалъ постановленія жрецовъ, но не въ силу ихъ обязанности такъ поступать, а потому, что жреческія коллегіи согласовались съ политикой Сената; въ эти коллегіи попадали лица испытанной государственной мудрости, прошедшія много государственныхъ должностей. Съ появленіемъ императорской власти роль жрецовъ еще болѣе ступшевалась; императоры замѣщали жреческія мѣста по своему усмотрѣнію, и распоряжались дѣлами жреческихъ коллегій. Со времени императора Адриана была должность намѣстника коллегіи понтифексовъ, дѣйствовавшая именемъ императора, чтобы вліяніе императора не ослаблялось въ его отсутствіе. **Вліяніе на дѣла прочихъ жрецовъ зависѣло отъ отношеній къ нимъ императора. Высшая жреческая должность верховнаго понтифекса стала необходимой принадлежностью императорскаго сана, составной частью императорскихъ прерогативъ.** Началось это съ учрежденіемъ должности намѣстника коллегіи понтифексовъ, поставившимъ верховнаго понтифекса отдѣльно отъ коллегіи; **рѣшительно же выразилось въ усвоеніи верховнаго понтификата обоимъ Августамъ въ 257 г. Первосвященство сдѣлалось принадлежностью императорскаго сана, потеряло свой мѣстный**

римскій характер и стало дѣйствовать во всей имперіи. Провинціальныя намѣстники стали представителями не одной политической, но и религіозной власти императора.

Жрецамъ не принадлежало самостоятельное законодательство, ихъ поставленія не имѣли силы закона, хотя они и имѣли извѣстное вліяніе на развитіе священнаго права. Они имѣли *jus respondendi* въ запутанныхъ юридическихъ дѣлахъ и судья принималъ ихъ къ руководству, хотя они и не имѣли обязательной силы. Понтифексы имѣли право изъяснять законы и помогать совѣтами въ юридической практикѣ; особенно имъ принадлежало право разъяснять религіозныя уставы и пополнять въ нихъ пробѣлы. Верховный понтифексъ имѣлъ *jus edicendi* — право издавать обязательныя распоряженія относительно совершенія обрядовъ; **во время имперіи *jus edicendi* по должности верховнаго понтифекса принадлежало императору и послужило источникомъ его распоряженій по религіознымъ дѣламъ. Къ нему же перешло и *jus respondendi* по религіознымъ вопросамъ,** а у другихъ жрецовъ это право оставалось въ самой ограниченной степени.

Надзоръ за нравственностью въ языческомъ Римѣ — обязанность государства и не дѣло религіи.

Надзоръ за нравственностью народа лежалъ не на жрецахъ, а на правительственной, государственной и семейной власти. Нравственность была долгомъ гражданина, а не дѣломъ угожденія богу. *Mores patrum* — совокупность правилъ, которыхъ долженъ держаться хорошій гражданинъ въ отношеніи къ богамъ, къ семьѣ, обществу и государству. **Отступленіе отъ нихъ вызывало гнѣвъ боговъ но не потому, чтобы это было грѣхомъ въ смыслѣ нарушенія нравственнаго закона, а потому что было нарушеніемъ правилъ общежитія, освященнаго покровительствомъ боговъ.** Глава семьи былъ обязанъ слѣдить за соблюденіемъ *mores patrum* членами семьи и отвѣчалъ за это передъ государствомъ: его вѣдѣнію подлежали не только семейныя, но и политическіе или религіозныя поступки членовъ семьи. Глава государства былъ блюстителемъ нравовъ народа. Императоры наблюдали сначала по должности цензоровъ на основаніи обычая предковъ, а потомъ по своему усмотрѣнію. **Судъ по важнѣйшимъ религіознымъ преступленіямъ принадлежалъ государственнымъ чиновникамъ.**

Судъ по религіознымъ преступленіямъ въ языческомъ Римѣ принадлежалъ государству.

Жрецы помогали государственнымъ властямъ своей опытностью въ рѣшеніи вопроса о томъ, совершено ли нарушеніе священныхъ уставовъ, и чѣмъ можетъ быть заглажено преступленіе, но **сами жрецы не имѣли власти суда и расправы за исключеніемъ верховнаго понтифекса.** Онъ наказывалъ весталокъ за упущенія по должности, за нецѣломудренную жизнь и вообще за ихъ проступки: въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ на основаніи домашняго суда, ибо онъ заступалъ по волѣ государства мѣсто родного отца, юридической власти котораго подчинялись вообще незамужнія женщины, неосвобожденные отъ этой власти. **Понтифексъ могъ наказывать и фламинивъ.** Но жрецы не пользовались особой подсудностью не только по обыкновеннымъ преступленіямъ, но и по преступленіямъ противъ должности. Удаленіе жрецовъ отъ должности за неумѣніе совершать жертвоприношеніе происходило подъ вліяніемъ Сената, который заставлялъ слагать должности государственныхъ чиновниковъ; дисциплинарныя взысканія верховнаго понтифекса на жрецовъ и на весталокъ подлежали обжалованію въ Народное Собраніе. Народное Собраніе во время республики имѣло въ религіозныхъ дѣлахъ право высшаго рѣшенія. Государство карало религіозныя преступленія, ибо они влекли гнѣвъ боговъ — покровителей государства и могли нанести прямой ущербъ государству: поэтому государство карало ихъ, какъ преступленія уголовныя, насколько они угрожали его благосостоянію; безъ этого оно и не стало бы ихъ наказывать.

Матеріальныя средства для государственнаго богослуженія въ языческомъ Римѣ даются государствомъ.

Матеріальныя средства для совершенія государственнаго богослуженія доставлялись государствомъ; содержаніе на счетъ государства — одинъ изъ существенныхъ признаковъ государственнаго культа: государственный богъ и содержаться долженъ былъ на счетъ государства.

Главнымъ средствомъ обезпеченія были недвижимыя имѣнія. Предметъ, назначенный въ пользу бога, посвящался ему посредствомъ особаго священнаго юридическаго акта *consecratio*, послѣ чего онъ выходилъ изъ гражданскаго оборота, становился *extra commercium*, не могъ быть проданъ, отданъ въ частную собственность, отданъ подъ залогъ, обложенъ сервитутомъ и т. д.; по отношенію къ

священнымъ предметамъ не имѣла мѣста давность. **Посвященное богу могло быть лишено священнаго характера черезъ постановленіе власти, отъ которой исходило посвященіе, т. е. Народнаго Собранія, Сената или императора, по заявленію объ уничтоженіи посвященія: тогда предметъ терялъ свое религиозное значеніе и поступалъ въ гражданскій оборотъ. Res sacrae оставались государственнымъ имуществомъ, но считались посвященными богамъ. Государство римское завѣдывало и управляло священнымъ имуществомъ, священными зданіями, наравнѣ съ прочими своими имуществами и черезъ тѣхъ же чиновниковъ. Оно черезъ цензоровъ отдавало въ аренду имѣнія храмовъ и жреческихъ коллегій, отдавало подряды на постройку священныхъ зданій, провѣряло отчеты по постройкамъ, наблюдало черезъ Эдиловъ за цѣлостью и содержаніемъ священныхъ зданій. Жрецамъ же принадлежало въ дѣлѣ завѣдыванія и распоряженія священнымъ имуществомъ только право ближайшаго расходованія суммъ, поступившихъ въ ихъ кассу **по распоряженіямъ и подъ контролемъ государственныхъ чиновниковъ.** Если кѣмъ либо нарушалось право священной собственности, то заботился о возстановленіи права не храмъ или жреческая коллегія, а государство въ лицѣ своихъ цензоровъ, коллегія понтифексовъ однако запрашивалась по вопросу, дѣйствительно ли было посвящено это мѣсто, и не уничтожено ли было посвященіе впоследствии. При крайней нуждѣ въ матеріальныхъ средствахъ государство обращалось къ своимъ имуществамъ, отдѣленнымъ на поддержаніе культа, и употребляло ихъ на покрытіе расходовъ по другимъ своимъ надобностямъ. Какъ собственность государства, назначенная для особыхъ цѣлей, священныя имущества не подлежали государственному налогу. Подъ *sacrum* вообще разумѣлось посвященное богамъ отъ имени государства законной властью въ установленной формѣ: частная и семейная святыня не считалась *sacrum*.**

Резюмэ о положеніи языческой государственной религіи въ Римѣ.

Какъ конечный выводъ, надо принять, что римская государственная языческая религія не имѣла своей особой самостоятельной задачи, а служила цѣлямъ и интересамъ государства. Римское священное право не составляло особой правовой области, а было неразрывной составной частью римскаго государственнаго права. Исполненіе долга государства по отношенію къ

богамъ - покровителямъ составляло неперемѣнную обязанность и право государственныхъ чиновниковъ, а жрецы были только помощниками чиновниковъ при совершеніи обрядовъ, отвѣтственные за техническое исполненіе обряда. По своей правительственной организациіи область культа не отдѣлялась отъ организациіи государства, а составляла нераздѣльную часть государственнаго организма. Законодательство по дѣламъ культа, управленіе и судъ въ религіозныхъ дѣлахъ принадлежали государственнымъ чиновникамъ съ участіемъ верховнаго понтифекса, который имѣлъ нѣкоторую долю *imperium*'а. Матеріальныя средства, необходимыя для поддержанія государственнаго культа, доставлялись государствомъ и были необходимой статьей расхода въ государственномъ бюджетѣ Рима. Государственная религія была *religio civilis* въ собственномъ смыслѣ. Таковъ былъ римско-языческій типъ государственнаго положенія религіи, опредѣлившійся природой языческой религіи съ одной стороны, а съ другой — складомъ Римскаго государства. Римская государственная религія совершенно забывала духовную сторону человѣка и покровительствовала всѣмъ его земнымъ интересамъ; въ послѣднемъ отношеніи не было потребности, о которой она бы не позаботилась; также и въ отношеніи къ государству: она участвовала во всѣхъ отправленіяхъ его внутренней жизни. Въ домѣ она дѣлалась домашней религіей, въ родѣ заботилась объ интересахъ рода, въ государствѣ была его слугой всюду, гдѣ нужна была ея помощь; она празднуетъ его успѣхи, терпитъ съ нимъ пораженія, идетъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ нимъ и погибаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Государство же видитъ въ этой религіи принадлежность государственной жизни и потому вѣдаетъ ея законодательствомъ, управленіемъ и судомъ. Религія — слуга человѣческаго общежитія и для государства стала орудіемъ его собственныхъ цѣлей. Въ соотвѣтствіи съ положеніемъ императора въ религіи и титулъ его гласитъ: Тиверій Клавдій, цезарь Августъ, Германикъ *Pontifex Maximus*, трибунъ, консуль.

Государство смотрѣло на религію, какъ на государственное учрежденіе и считало въ правѣ ею распоряжаться. Этотъ взглядъ пережилъ признаніе христіанства государствомъ и вліялъ на построеніе церковно-государственныхъ отношеній въ Византіи, а черезъ нее и въ Россіи, хотя христіанство не могло не вступить съ нимъ въ борьбу. Онъ совершенно не мирится съ отношеніемъ христіанства къ человѣческому общежитію. Христіанство обращаетъ взоръ къ небес-

нымъ благамъ челоѣка, не заботясь о земныхъ благахъ; оно призвано къ спасенію людей, а не къ благоустроенію ихъ на землѣ. Оно имѣетъ особую самостоятельную задачу и выполняетъ ее своими средствами. Ни въ происхожденіи своемъ, ни въ существованіи Церковь Христова не зависитъ отъ государства, какъ учрежденіе, установленное Самимъ Богомъ; она имѣетъ свой законъ, управленіе и судъ; ея природа требуетъ независимости отъ другихъ челоѣческихъ союзовъ во внутреннихъ дѣлахъ. Слывать Церковь въ одинъ организмъ съ государствомъ, съ подчиненіемъ Церкви государству, какъ это дѣлаетъ римско-языческой принципъ, значитъ забывать существенную природу Церкви, требующую особаго и самостоятельнаго во внутреннихъ дѣлахъ существованія, и подчиняться языческой традиціи. Христіанская Церковь, поскольку она является видимымъ учрежденіемъ на землѣ, въ государственномъ отношеніи можетъ подчиняться государству и притязать на его защиту, но она не можетъ отказаться отъ признанія себя самостоятельной, независимой отъ государства организаціей и отъ права самостоятельно регулировать свою внутреннюю жизнь и самостоятельно выполнять свою просвѣтительную и освящающую миссію. Ея призваніе — не подчиняться во внутреннихъ дѣлахъ государству, а преобразовать жизнь міра сего, живущаго по челоѣческимъ стихіямъ, по стихіямъ міра иного. Сама Византія, показывавшая живучесть языческихъ традицій, показала и то, что она не отказывалась отъ борьбы съ этими традиціями, и выдвинула другую идею — идею оцерковленія государства. Но прежде еще Церковь должна была отстоять право на признаніе за собой положенія, подобающаго учрежденію Божественному съ цѣлями совершенно самостоятельными и средствами совершенно особыми.

Церковь Христіанская какъ общество особое съ своими цѣлями, средствами, независимое отъ государства.

Ученіе о Церкви Христовой, какъ особомъ религіозномъ учрежденіи, и отношеніи ея къ семьѣ, обществу и государству должно основываться на Священномъ Писаніи и твореніяхъ Св. Отцовъ Церкви, изъ которыхъ Іоаннъ Златоустъ, какъ Св. Отець, наиболѣе занимавшійся вопросами о приложеніи истинъ Откровенія къ земной жизни, останавливаетъ наибольшее вниманіе. Онъ для насъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что онъ оказалъ преимущественное вліяніе на Никоновскія воззрѣнія.

Церковь явилась обществомъ, небывалымъ въ исторіи древняго человѣчества: это было общество не отъ міра сего, происхожденія Божественнаго, не человѣческаго. Самъ Сынъ Божій его основаль. Проповѣдники Слова Его, исполняя Его волю, не спрашивали на то разрѣшенія государственныхъ властей, а, когда имъ запрещали проповѣдывать, они говорили, что Богу повиноваться надо болѣе, нежели людямъ. Цѣль существованія Церкви Божіей не имѣетъ ничего общаго съ назначеніемъ человѣческихъ обществъ. Церковь Божія не призвана обезпечивать земныя блага, а призвана продолжать начатое Ея Главой-Христомъ дѣло спасенія людей. Церковь Христова имѣетъ свою организацію, законъ и власть. Этотъ законъ и организація уже предполагаются Божественнымъ Происхожденіемъ и особымъ назначеніемъ Церкви Христовой. Законъ этотъ и данъ Самимъ Основателемъ Церкви (Іак. 1, 25; 2, 8—11; 4, 12; Рим. 3, 27; Фил. 3, 16, 17; 4, 9; 2 Тим. 1, 13; 4, 3; Евр. 7, 12). Законъ этотъ обнимаетъ образъ поведенія и образъ мыслей и душевныхъ расположеній. Онъ содержитъ въ себѣ правила вѣры, правила христіанскаго богопочтенія и богослуженія, правила христіанской нравственности, правила церковнаго устройства, управленія и суда. Законъ христіанскій данъ Самимъ Сыномъ Божиимъ во время Его земной жизни, потомъ разъясненъ и дополненъ Его учениками, лично слышавшими Его ученіе и получившими подробныя наставленія объ устроеніи Церкви Божіей на землѣ, и развитъ послѣдующими пастырями Церкви.

Златоустъ опредѣляетъ Церковь такъ: **Церковь есть общество вѣрующихъ въ Иисуса Христа, поставившихъ своей цѣлью приготовленіе къ жизни лучшей, безсмертной, нетлѣнной.** Ради этой высокой цѣли они (члены Христовой Церкви), презрѣвъ блага земной жизни, какъ временныя и сами по себѣ ничтожныя, **ведутъ свою жизнь такъ, что, живя на землѣ, образуютъ изъ себя царство не отъ міра сего, „государство небесное“, гражданство Новаго Іерусалима всѣхъ вѣрующихъ во Христа.** Что Церковь есть Царство не Отъ міра сего, сказано во многихъ мѣстахъ Писанія (Іоанна 6, 15; 17, 16; 18, 36; Дѣян. 1, 6, 7). Церковь имѣетъ вселенскій характеръ (Мѡ. 28, 19; Марк. 16, 15). Что Иисусъ Христосъ Глава Церкви и верховный Ея Пастырь (См. Іоанна 10, 14—16; Матѡ. 28, 18—20; 23, 8; Лук. 10, 16; Евр. 3, 1; 4, 14; 5, 5, 10; 7, 24—8, 6; 1 Петр. 5, 4.).

„Христось есть Глава Церкви, глава естественно соединяетъ всѣ члены, вѣрно направляетъ ихъ другъ къ другу и связываетъ ихъ между собой" (Злат. Сл. 111, 460).

„Какъ тѣло и глава составляютъ одного человѣка, такъ и Церковь и Христось... едино суть... Какъ наше тѣло есть нѣчто единое, хотя состоитъ изъ многихъ членовъ: такъ и въ Церкви всѣ мы составляемъ нѣчто единое, ибо, хотя она состоитъ изъ многихъ Членовъ, но эти многіе суть одно тѣло... Ибо всѣ мы имѣемъ одну и ту же главу и родились одинаковымъ крещеніемъ, всѣ мы приступаемъ къ одному и тому же таинству, вкушаемъ отъ одной и той же трапезы". (Б. на 1 Кор. 11, 145—147).

Церковь управляется пастырями, получившими рукоположеніе отъ Св. Духа и дѣйствующими подъ ѣго руководствомъ.

Послѣдователи христіанской вѣры въ стремленіи своемъ съ земли на небо и въ заботахъ „прежде всего о душѣ", чтобы устроить жизнь свою на новыхъ, установленныхъ Христомъ и Апостолами началахъ, соединяются вмѣстѣ въ одно общество и составляютъ Церковь. **„Развѣ Церковь стѣна? Церковь — во множествѣ вѣрующихъ. Вотъ сколько твердыхъ столповъ, не желѣзомъ связанныхъ, но скрѣпленныхъ вѣрою"** (Сл. Злат. на р. сл. II, 530—1). „Церковью я называю не только мѣсто, но и нравы, не стѣны. Церковь — не стѣны и не кровля, но вѣра и жизнь" (Ів. 468) (Слова, которыя неоднократно приводитъ въ своемъ „Раззореніи" Никонъ и проводитъ ихъ въ жизнь). Какъ руководимая Самимъ Богомъ, она ничѣмъ не можетъ быть побѣждена. „Изреченіе Владыки Апостоловъ оградило Церковь новымъ и необыкновеннымъ способомъ огражденія. Не дерево и камни Онъ сложилъ, чтобы построить ея ограду; не проводилъ рва и извнѣ не вколачивалъ свай и не воздвигалъ башенъ, чтобы обезопасить ее; но изрекъ только два слова: "На семь камней созижду Церковь Мою, и врата ада не одолѣютъ ей" (Мѳ. 16, 18). Вотъ стѣна, вотъ ограда, вотъ пристань и прибѣжище (Сл. на р. м. II, 284). „Не смотри, что это слова, но это — слова Божіи... Чему же ты удивляешься, если Тотъ, Кто словомъ утвердилъ небо, основалъ землю и тѣмъ же словомъ оградилъ Церковь, которая драгоцѣннѣе неба, земли и моря? (Ів. 288). **Вотъ потому то нѣтъ ничего сильнѣе Церкви... Когда ты воюешь съ Церковью, то побѣдить тебѣ невозможно, потому что Богъ сильнѣе всѣхъ. Богъ утвердилъ, кто осмѣлится поколебать Церковь сильнѣе неба: небо и**

земля прейдуть, говорить Господь" (Сл. на раз. сл., сл. 1, 529, ib. 339). Многія гоненія, испытанныя Церковью, опровергають тѣхъ, которые предположили бы, что Церковь существуетъ благодаря поддержкѣ гражданской власти. „Что бы ты ни говорилъ, что Церковь стоитъ твердо по причинѣ мира съ царями, Богъ попустилъ ей терпѣть гоненія тогда, когда она была меньше и, казалось, слабѣе; да познаешь изъ этого, что и нынѣшняя твердость ея зависитъ не отъ мира съ царями, а отъ силы Божіей" (Слово III, 548). „Если не вѣришь слову, вѣрь дѣламъ. **Сколько было тирановъ, хотѣвшихъ одолѣть Церковь? И не одолѣли. А Церковь? Она сіяетъ свѣтлѣе солнца**" (Сл. на р. сл. II, 530).

„Нѣтъ ничего равнаго Церкви... Сколько было нападавшихъ на Церковь, и нападавшіе сами погибли. А она возшла выше небеси. Таково величіе Церкви: когда нападаютъ на нее, она выжидаетъ, когда злоумышляютъ противъ нея, она преодолеваетъ; когда оскорбляютъ ее, она становится свѣтлѣе, получаетъ раны и не падаетъ отъ ранъ; подвергается волнамъ и не утопаетъ; обуревается и не терпитъ кораблекрушенія" (Сл. на р. сл. II, 470). „Христось могъ не допустить, чтобы Церковь испытывала бѣдствія. Почему же Онъ допустилъ? Потому что гораздо важнѣе допустить искушеніе и сдѣлать, чтобы отъ нихъ не происходило никакого зла, нежели не допустить ихъ. Посему Онъ допустилъ всѣ искушенія, чтобы сдѣлать ее опытнѣйшей (Сл. на р. сл. II, 284—285), чтобы она воздвигла себѣ славнѣйшій трофей (Сл. на р. сл. II, 470). Непобѣдимость Церкви объясняется тѣмъ, что съ ней Христось, ея Глава. Законы для нея установлены Богомъ и Учениками".

О церковномъ законѣ.

Проповѣдь апостоловъ есть Слово Божіе (1 Сол. 2, 13; 4, 15; 2 Кор. 2, 17), Откровеніе Божіе (Гал. 1, 11, 12; Еф. 3, 3—5); заповѣди апостоловъ суть заповѣди Господни (1 Сол. 4, 2; 5, 18; 1 Кор. 7, 10, 19; 14, 37; 2 Петра 2, 21), переданныя черезъ апостоловъ (2 Петра 3, 2; Злат. на р. м. Св. Пис. II, 481, 492, 493, 501), и опредѣленія послѣдующихъ пастырей Церкви имѣли также Божіе происхожденіе и значеніе, потому что служатъ только раскрытіемъ и дополненіемъ тѣхъ основоположеній, какія даны Церкви Самимъ Основателемъ Церкви и изданы по Божественному полномочію (Мѡ. 28, 20; Лук. 10, 16) и подъ руководствомъ Святаго Духа, живущаго въ Церкви (Дѣян. 15, 28). Вообще въ Церкви Христіанской, которая есть Домъ

Божій и Жилище Св. Духа, „Тѣло Христово, возглавляемое Единороднымъ Сыномъ Божиимъ, не можетъ ничего совершаться безъ воли Божіей, не можетъ быть другого закона, кромѣ Божественнаго. Всѣ заповѣди, дѣйствующія въ Церкви, называются Божественными" (Злат. на разн. случ. II, 347—349; на Мѡ. 1, 364, 366; II, 380, 471. На Дѣян. II, 92; на 1 Кор. 1, 290; II, 299). Воля Божія — единственный первоисточникъ закона христіанскаго, дѣйствующаго въ Церкви Христовой (1 Петра 2, 15, 19; Еф. 1, 9; 5, 17; 6, 6; Евр. 13, 21; Мѡ. 7, 21; Рим. 12. 2; 1 Сол. 4, 3; 5, 18; Кол. 2, 8, 12; 1 Тим. 2, 3, 4; Тит. 1, 14); другого источника церковныхъ правилъ быть не можетъ (Іак. 4, 12; Злат. на Мѡ. 1, 14).

Законъ церковный отличенъ отъ закона человѣческаго не только по происхожденію, но и по значенію. Законъ церковный опирается не на матеріальную силу, а на нравственный авторитетъ, на сознаніе его Божественнаго происхожденія, на необходимость его для спасенія. Божественный законъ, не имѣя матеріальной принудительности, еще болѣе дѣйствителенъ для человѣка, ибо онъ усваивается всѣмъ существомъ человѣка, и опредѣляетъ его волю, такъ что здѣсь больше гарантій въ его исполненіи, чѣмъ при вынужденномъ подчиненіи государственному закону. Воля Божія для вѣрующаго всего выше, акты мучениковъ даютъ доказательства силы закона, опирающагося исключительно на религіозныя убѣжденія.

Ученіе Іоанна Златоуста о церковномъ законѣ.

Законъ каждаго общества указываетъ, какъ нужно жить, чтобы достигнуть цѣли, преслѣдуемой обществомъ.

Златоустъ спрашиваетъ христіанъ, соблюдавшихъ іудейскіе обычаи. „Что же? Ты христіанинъ? Для чего же слѣдуешь обычаямъ іудеевъ? Или ты іудей? Такъ зачѣмъ безпокоишь Церковь? Персы не соблюдаютъ ли того, что ведется у персовъ? Варваръ не слѣдуетъ ли обычаямъ варваровъ? **Живущій въ римскомъ государствѣ не подчиняется ли нашему уставу? Какъ же ты думаешь спастись, уклоняясь къ незаконнымъ іудейскимъ обычаямъ?**" (Слов. III, 532). „Здѣсь (въ Церкви) единственно можно научиться не только тому, чѣмъ будешь ты послѣ этой жизни и какъ будешь тогда жить, но и тому, какъ управлять настоящую жизнь... **Этотъ домъ есть духовная лечебница**" (Б. на Іоан. 1, 31). „Ап. Павелъ требуетъ отъ насъ, чтобы мы..., вступивъ черезъ крещеніе въ Церковь, измѣнивъ прежніе нравы, **стали слѣдовать новымъ правиламъ**" (Б. на Рим.

220). Эти правила — Божественные законы, ниспосланные для нашего спасения, обучающие тому, что нужно для нашего спасения, содержащие в себѣ „учение совершенной жизни“, „высшія правила жизни“. **Законы эти должны быть исполнены членами Церкви; только тогда возможны христіанину достиженія его цѣлей, а за неисполненіе законовъ онъ подлежитъ отвѣтственности.** Этимъ христіанскій „законъ“ отличается отъ христіанскаго „совѣта“. „Не одно и то же совѣтывать и давать законъ. Кто даетъ законъ, тотъ желаетъ, чтобы предписанное непременно было исполняемо, а кто совѣтуетъ, увѣщаетъ и представляетъ на волю слушающаго избѣжать то, о чемъ говорить, тотъ дѣлаетъ слушателя властнымъ принять и не принять“ (Сл. на р. м. II, 439). Заповѣдь „не приносить дара къ алтарю, не примирившись прежде съ братомъ своимъ“ (Мѳ. 5, 23—24), — повелѣніе, такъ что неисполняющій этого необходимо подлежитъ наказанію. Когда же Господь говоритъ: аще хочещи..., продаждь имѣніе твое и проч. (Мѳ. 19, 21), то это — не повелѣніе, ибо здѣсь Онъ предоставляетъ сказанное на волю слушающаго... „исполняющаго вѣнчаю, а неисполняющаго не наказываю“ (Б. на Тит. 10),

„Законы, которые управляютъ Церковью, суть законы Божественные. И дѣйствительно, „Христосъ на все далъ приличныя законы“ (Б. на Рим. 549). Только тотъ законъ, который исходитъ отъ Бога, долженъ быть принимаемъ Церковью. Приступая къ толкованію Дѣяній Ап., Златоустъ говоритъ: „Прежде всего надо узнать, кто написалъ эту книгу... человекъ или Богъ? Если человекъ, то мы отвергнемъ ее, потому что Господь говоритъ: не зовите себѣ учителя на землѣ... (Мѳ. 23, 8); а если Богъ, то примемъ, потому что наше учение свыше, и такое достоинство этого зрѣлица — ничему не учиться отъ людей, но отъ Бога черезъ людей“ (Б. на Д. II, 235). **„Всѣ законы, по которымъ должна быть устроена жизнь Церкви, называются Божественными,** ниспосланными съ неба; законодатель ихъ — Самъ Богъ. Многіе законы вышли изъ устъ апостоловъ: „Уста ихъ были царскими сокровищницами, и заключавшими въ себѣ сокровище исцѣленій; нѣкоторые церковныя законы представляютъ изъ себя „Апостольскій законъ“ (Б. на Дѣян. II, 235), „Апостольскіе уставы“, Апостольскія распоряженія, обычаи и законы, учрежденія, правила“. **Однако апостолы не были законодателями въ собственномъ смыслѣ.** Они были вѣстниками воли Божіей узаконяли только то, что повелѣно было Богомъ. „Они посланы были не умоключенія

дѣлать, но передавать, что ввѣрено. Когда произносить что нибудь Владыка, служащіе должны только принять Его слова, не разбираться и не растолковывать ихъ сами, и апостолы были посланы для того, чтобы пересказать, что слышали, ничего не прибавляя къ тому отъ себя" (Б. на Рим. 18). „Поэтому, когда я говорю о Павлѣ, что онъ преподаетъ какой либо законъ, то разумѣю заповѣди Самого же Христа, потому что Имъ была движима блаженная душа апостола" (Сл. 111, 253). „Законы апостоловъ — законы Божественные. Поэтому, хотя многіе апостолы передавали намъ эти законы, но всѣ они проповѣдывали намъ эти законы, но всѣ они проповѣдывали одно ученіе, такъ какъ одинъ былъ художникъ, Духъ Святой, приводившій въ движеніе души ихъ". Преемники апостоловъ по управленію Церковью разъяснили и развили въ подробностяхъ полученные отъ Иисуса Христа и отъ апостоловъ законы, сами составили правила относительно благоустройства. Постановленія пастыря не опредѣляетъ чего либо новаго по сравненію съ закономъ Иисуса Христа и апостоловъ; они заключаютъ въ себѣ разъясненіе того, что открыто Господомъ и Его учениками - Апостолами.

Законы, поставленные отцами Церкви, до существу своему суть законы Божественные, такъ какъ составлены они пастырями Церкви подъ руководствомъ Св. Духа. Опредѣленія отцовъ Собора называются „законоположеніемъ Духа Святаго" (Б. на Дѣян. II, 96).

Побужденіе къ исполненію Божественнаго закона иное, чѣмъ къ исполненію гражданскаго закона, ибо здѣсь нѣтъ матеріальнаго принужденія. Церковные законы требуютъ не только извѣстнаго внѣшняго дѣйствія, но соотвѣтствующаго настроенія, мысли и воли. Церковь требуетъ добровольнаго исполненія законовъ. Награда назначена не просто за дѣла, но за расположеніе; исполненіе заповѣдей христіанства возможно только при помощи Божіей. Пробужденіемъ является сознаніе Божественности происхожденія церковнаго закона; самое исполненіе закона доставляетъ поэтому высшее душевное удовлетвореніе. Сознаніе, что Вездѣсушій и видящій Царь присутствуетъ при нашихъ дѣлахъ, побуждаетъ также къ исполненію закона; также побуждаетъ и совершенство закона, какъ происходящаго отъ Бога. Златоустъ говоритъ: „Подумаемъ только о величій Бога, повелѣвающаго и дающаго законъ, и получимъ достаточное наставленіе". „Когда Богъ говоритъ, тогда не время умствовать. Богъ сказалъ: не клянися. Это — законъ царскій. Постановившій знаетъ основаніе закона. Онъ

не запретилъ бы, если бы это не было полезно. Человѣческіе законы мы исполняемъ, а Божіи законы будемъ ли поирать?" (I, 525). „Если кто немощенъ пусть представить себѣ и награды" (Б. на Иоан. II, 525). Собственное сознание христіанина приходитъ къ необходимости исполненія церковныхъ законовъ; отсюда и получается самопринужденіе, которое оказывается сильнѣе принудительной матеріальной силы, дѣйствующей въ гражданскихъ законахъ. Дѣйствіе церковной власти, надзирающей за христіаниномъ, не имѣетъ принудительнаго характера и не стѣсняетъ свободы христіанина. **Нравственная принудительность собственно и возводитъ церковныя нормы въ самостоятельную область права.** Бердниковъ говоритъ: „Принудительность правовыхъ нормъ, конечно составляетъ необходимый признакъ понятія права, но не необходимо, чтобы эта принудительность была непременно матеріальнаго характера. Для признанія за извѣстными нормами правового значенія существенно необходимо лишь то, чтобы они осуществляли задачу всякаго права — охраненіе въ указанныхъ закономъ границахъ нравственнаго развитія человѣка отъ стѣсненія и посягательства со стороны другихъ людей и обезпеченіе за ними благотворнаго вліянія нравственно-общественной жизни. А какими мѣрами достигается эта задача — матеріально или нравственно принудительными — это вопросъ второстепенный. Поэтому и церковныя нормы, несмотря на то, что онѣ соблюдаются по свободному и разумному подчиненію членовъ церковнаго союза установленному въ немъ порядку и, несмотря также на особый ихъ источникъ, сравнительно съ правомъ, истекающимъ отъ государства, по всей справедливости должны быть названы правовыми нормами, потому что ими также осуществляется задача права, какъ и нормами, исходящими отъ государства" (Бердниковъ. Дополненіе къ краткому курсу церковнаго права, 302 стр.)¹.

¹ Мы не можемъ не отмѣтить, что современная наука не считаетъ вообще принужденіе существеннымъ элементомъ права; правовая норма призвана регулировать внѣшнія отношенія людей (этимъ церковно-правовая норма отличается отъ религіозныхъ и нравственныхъ нормъ) и гарантируется внѣшними силами или средствами, но среди гарантій права принужденіе есть лишь однимъ изъ ея видовъ и не можетъ отождествляться съ нею самой. Физическое принужденіе является даже самой слабой гарантіей. Уже одинъ тотъ фактъ, что большая Англія повелѣваетъ огромной Индіей, а одинъ монархъ массой подданныхъ, говоритъ за то, что не въ физической силѣ, а въ сознаніи, въ культурѣ, традиціонной морали, міровоззрѣніи, т. е. въ психическихъ силахъ, основа и сила права (Zankoff. Le droit et l'Eglise, стр. 74). Церковное право имѣетъ свои спеціальныя средства для осуществленія своихъ нормъ въ видѣ ограниченія или отнятія благъ, вытекающихъ изъ церковнаго общенія. Отождествленіе понятія гарантіи права съ физической силой отвергается юридической наукой. Zankoff. ib. стр. 72) перечисляетъ корифеевъ юридической науки, отвергающихъ взглядъ нѣкоторыхъ представителей цивилистической науки, будто гарантія можетъ состоять только въ физическомъ принужденіи. Онъ приводитъ имена Bierling, Binding, Iollinek, Stammeer Kreinz, Trepel Gutherz.

Органы церковной власти.

Для раздачи благодатных даровъ и для наблюденія за соблюденіемъ христіанскаго закона учреждены особые органы церковной власти. Какъ и Церковь, они установлены непосредственно Иисусомъ Христомъ въ таинствѣ Священства; объ установленіи видимаго управленія въ Церкви въ лицѣ іерархіи, говоритъ рядъ текстовъ: Лук. 6, 13; 10, 1; 20, 2—8; Мѡ. 18, 18; 21, 23—27; 28, 19, 20; Иоанна 20, 21, 23; Мар. 11, 28—33; 16, 15, 16; 1 Петр. 1, 1; Рим. 1, 1, 5; 1 Кор. 1, 1; 3, 10; 5, 4; 2 Кор. 1, 1; 5, 18—20; Гал. 1, 1; Еф. 1, 1; 3, 7; 4, 11; Кол. 1, 1, 25; 1 Сол. 2, 4, 7; 1 Тим. 1, 1, 12; 2 Тим. 1, 1, 11; Тит. 1, 3; Дѣян. 14, 23; 20, 28¹.

Иоанн Златоустъ о церковной власти въ объективномъ смыслѣ.

Но эта власть особаго рода, отличающаяся отъ земной власти и по происхожденію, и по цѣлямъ, ради которыхъ она существуетъ, и по средствамъ достиженій этихъ цѣлей. „Священство совершается на землѣ, пишетъ Златоустъ, но принадлежитъ къ порядку небесныхъ учреждений — и весьма справедливо. Не человекъ, не ангелъ, не архангелъ, но Самъ Утѣшитель установилъ это служеніе" (О свящ. 36). „Ту власть, которую Самъ Иисусъ имѣетъ, Спаситель даетъ Апостоламъ... Намѣреваясь поставить Апостоловъ правителями Вселенной, Онъ даетъ имъ право наказывать и прощать: имъ же отпустите грѣхи, отпустятся, и имъ же держите, держатся" (Сл. на р. м. II 256). Черезъ рукоположеніе пастыри Церкви поставляются на служеніе, „возлагается рука на человека, но все совершаетъ Богъ, и Его Десница касается главы рукополагаемаго, если рукоположеніе совершается какъ должно" (Б. на Дѣян. 1, 254). „Посвящаемый получаетъ благодать Духа для предстоятельства въ Церкви, для знаменій и всякаго служенія" (Б. на 2 Тим. 9—10). „Благодаря благодати священства, пастырь становится теперь посредникомъ между Богомъ и людьми; онъ низводитъ на вѣрующихъ Божественную благодать, онъ раскрываетъ Божественное ученіе, является руководителемъ въ дѣлѣ спасенія. "Священникамъ ввѣряется власть дѣйствовать благодатными дарами" (Б. на Иоанн. II, 698). „Престоль священства утверждень на небесахъ и священнику ввѣрено устроить

¹ Въ частности говорится: о Соборахъ, какъ высшемъ органѣ церковной власти: Дѣян. 15; пр. Ап. 14, 34, 37, 74; объ отношеніи апостоловъ между собой: Дѣян. 1, 15; 2, 14, 37; 5, 29; VI, 8, 14; 11, 2, 22; Гал. 1, 13—2, 14; о правительственной власти Епископа говорится: 1 Тим. 3, 10, 15; 4, 11; 5, 17—22; 2 Тим. 4, 2—5; Тит. 1, 15; Иоанна 13, 14; пр. Ап. 1—4, 6, 15, 31—39, 41, 49, 52, 58, 60, 74, 76, 81, 83; о совѣтѣ при Епископѣ 1 Тим. 4, 14; о каноническомъ общеніи между Церквями; пр. Ап. 12—16, 32, 33, 35.

тамошнія дѣла. Кто говоритъ это? Самъ Царь небесъ. Елика еще свяжете на земли, говоритъ Онъ, будутъ связана на небеси: и елика еще разрѣшите на землѣ, будутъ разрѣшена на небесѣхъ" (Мѡ. 18, 18).

„Что можетъ сравниться съ такой честью? Небо получаетъ начало суда съ земли, и Владыка слѣдуетъ за рабомъ; и что послѣдній присуждаетъ внизу, то Онъ утверждаетъ горѣ. Священникъ стоитъ посредникомъ между Богомъ и родомъ человѣческимъ, низводя на насъ оттуда благодѣянія и вознося туда наши прошенія, примиряя со всѣмъ родомъ нашимъ разгнѣваннаго Бога" (Б. на Іоанна II, 698). „Живя на землѣ и пребывая на ней, священники призваны къ распоряженію небеснымъ и получили власть, какой Богъ не далъ ни ангеламъ, ни архангеламъ... Земные владыки имѣютъ власть вязать, но только тѣла; а узы (налагаемыя священникомъ) касаются самой души и проходятъ небеса; и что священники дѣлаютъ на землѣ, то Богъ опредѣляетъ на небѣ, и Владыка подтверждаетъ мысли рабовъ. Что Онъ далъ имъ, какъ не всю небесную власть? Кому простите грѣхи, тому простятся; на комъ оставите, на томъ останутся (Іоан. 20, 23). Какая власть болѣе этой? Всякій судъ Отецъ отдалъ Сыну (Іоан. 5, 22). Вижу, что Сынъ весь судъ предалъ имъ... Никто не можетъ войти въ Царство Небесное, если не будетъ возрожденъ водою и духомъ (Іоан. 3, 5), и не ядущей плоти Господа и не пьющей Крови Его лишается вѣчной жизни (Іоан. 6, 34); все же это совершается только святыми руками, т. е. руками священника: какимъ же образомъ можно безъ него и избѣжать огня геенскаго, и получить уготованные вѣнцы? Вотъ что для насъ тѣ, которымъ ввѣрено духовное рожденіе черезъ крещеніе: черезъ нихъ мы облакаемся во Христа, спогребаемся Сыну Божию, дѣлаемся членами этой Блаженной Главы, такъ что они по справедливости должны быть для насъ не только страшнѣе начальниковъ и царей, но и почтеннѣе отцовъ... Богъ далъ священникамъ больше власти, чѣмъ естественнымъ родителямъ... Священники получили власть совершенно отгонять нечистоту души, такъ что пренебрегающіе ими гораздо преступнѣе Даѡана и сообщниковъ его и достойны большаго наказанія (Числ. 16 гл.). Очевидно безуміе — не почитать ту должность, безъ которой нельзя намъ получить ни спасенія, ни обѣщанныхъ благъ" (О свящ. 38—40).

О высотѣ священнаго сана писали Григорій Богословъ и Василій Великій.

Григорій Богословъ писалъ въ Апологетикѣ: „Кто возьметъся, какъ глиняное какое издѣліе, приготовляемое въ одинъ день, образо-

вать защитника истины, который долженъ стоять съ ангелами, славословить съ архангелами, возносить жертвы на горній жертвенникъ, священнодѣйствовать со Христомъ, возсозидать созданіе, возстановлять образъ Божій, творить для горняго міра, и скажу болѣе — быть богомъ и творить съ богами. Знаю, чьи мы служители, гдѣ сами поставлены и куда готовимъ другихъ".

Пребож. Василій въ 5-й молитвѣ елеосвященія: „Господи Боже нашъ, вдохнувши въ Своихъ учениковъ и сказавши: пріймите Духа Святаго, Иже меня смиреннаго и грѣшнаго раба Твоего призванный на превеличайшую степень священства и войти во внутреннія завѣсы и во святая святыхъ..." и т. д. Изъ этого два заключенія: 1) что іерей есть богъ земной, и по слову псалма: я сказалъ: вы боги есте и сыновья Высочайшаго, — 2) что высочайшая степень священства превосходитъ всякой другой степени на землѣ.

Іоаннъ Златоустъ подробно освѣтилъ характеръ самаго существа церковной власти, которому посвященъ цѣлый рядъ мѣстъ въ Св. Писаніи. О характерѣ церковной власти многократно говорится въ Писаніи: Мѡ. 18, 1—4; 23, 8—12; 20, 21—28; Мар. 9, 34, 35; Лук. 9, 46—48; 22, 24—27; Іоанна 13, 12—16; 1 Кор. 3, 5, 9; 4, 1; 2 Кор. 6, 4; 1 Сол. 3, 2; Еф. 3, 7; 4, 11, 12; 6, 10—20; Кол. 1, 7, 23, 25; 4, 7, 17; 1 Тим. 3, 1, 10; 2 Тим. 1, 11; Дѣян. 6, 24; 12, 24, 25; 13, 15. Объ отношеніи пастыря къ пасомымъ: 1 Сол. 2, 1—13; 1 Петр. 5, 1—4.

Пастырь Церкви удостоивается „власти, въ его глазахъ самой высшей изъ всѣхъ. Ибо священство важнѣе самой царской власти (въ дѣлѣ спасенія) и есть самая высшая власть" (Сл. на р. м. 1, 254). Однако, священникъ только служитель (1 Кор. 3, 5), т. е. исполняетъ, а не даруетъ отъ себя блага. „Ибо не тотъ благодѣтель, кто служить при воздаяніи благъ, а тотъ, кто сообщаетъ и даруетъ ихъ (Б. на 1 Кор. 1, 142). Священникъ — вѣстникъ (Рим. 1, 8), не имѣющій права ни прибавить къ сказанному, ни убавлять въ ономъ, такъ какъ дѣло вѣстника передавать только то, что самому ему сказано (Б. на Рим. 27). Въ дѣйствіяхъ пастыря все зависитъ отъ благодати Божіей. Отсюда характеръ отношеній пастыря къ пасомымъ. Здѣсь какъ бы нѣтъ начальственныхъ отношеній; **власть основана на свободномъ признаніи пасомыми.** „Мы (пастыри) не властительски повелѣваемъ вамъ. Мы поставлены поучать васъ словомъ, а не для начальственнаго и самовластнаго распоряженія надъ вами" (Б. на Еф. 194). „Начальники надъ земной жизнью столько ниже начальниковъ надъ жизнью духовной, сколько лучше властвовать надъ вольными,

нежели надъ невольными... Ибо тамъ все дѣлается по страху и по необходимости, а здѣсь по свободному произволенію и по разсужденію. И не симъ только духовное начальство выше гражданскаго, но и тѣмъ, что оно не просто есть начальство, но отеческая, можно сказать, власть, ибо имѣетъ и кротость отеческую, и дѣйствуетъ больше убѣжденіями" (Б. на 2 Кор. 344—5). Въ основѣ отношеній пастыря къ пасомымъ — любовь, доходящая до самопожертвованія, любовь эта однако не должна препятствовать исполненію долга обличенія, наложенія наказанія. **„Пастырь Церкви долженъ твердо стоять за права Церкви, онъ не долженъ никогда уменьшать величія власти, но скорѣе долженъ отказываться отъ жизни, чѣмъ отъ правъ, которыя Богъ Далъ свыше этой власти (Сл. на р. сл. 1, 165), руководствуясь тѣмъ, что нѣтъ ничего сильнѣе престаупающаго Божественные законы, равно какъ ничего сильнѣе защищающаго Божественные законы“.**

Это правило осуществилъ въ жизни Златоустъ и, какъ мы увидимъ, и Никонъ. „Я не забочусь о вашихъ похвалахъ, но пекусъ о вашемъ спасеніи" (Сп. на р. м. II, 333). **„Я принужденъ быть строгимъ и тяжелымъ... для вашего спасенія, которое для меня дороже всего. Кто хочетъ, пусть огорчается и называетъ меня тяжелымъ и безстыднымъ; но я не перестану твердить объ одномъ и томъ же" (Сл. на р. м. II, 388).** **„Ибо неблагонадежно и не безопасно для насъ льстить словами.. покрывать какіе либо недостатки молчаніемъ. Самая крѣпкая опора для пастыря любовь пасомыхъ, изъ любви этой вытекаетъ свободное подчиненіе ему и содѣйствіе въ его дѣятельности".** „Какъ главѣ необходимо быть въ связи съ тѣломъ, такъ Церкви съ священникомъ... нужно, чтобы возрастало въ насъ повиновеніе учениковъ... Возложите на меня вѣнецъ вашей покорности... Прославьте мое ученіе послушаніемъ... Я — отецъ, и мнѣ необходимо давать совѣты дѣтямъ" (Сл. на р. сл. II, 524—5). Вѣрующіе должны относиться съ глубокимъ вниманіемъ къ поученіямъ священника. **„Ибо не намъ (священникамъ) принадлежитъ излагаемое нами ученіе, и языкъ нашъ не отъ себя говоритъ то, что мы говоримъ, но говоримъ водимые челоѡколюбіемъ Господа для пользы вашей и для созиданія Церкви Божіей. Итакъ, возлюбленный, не на меня смотри, говорящаго, и не на мою скудость, такъ какъ я предлагаю слово; но, устремивъ умъ къ Пославшему меня, принимай слова мои со вниманіемъ. Ибо и въ челоѡческихъ дѣлахъ, когда царь присылаетъ грамоту, то, хотя**

приносящій ее бываетъ челоѡкомъ незначительнымъ... неизвѣстнымъ: однако жъ тѣ, которые получаютъ грамоту, не обращаютъ на то вниманіе, а ради царской грамоты и ему воздаютъ великую честь и грамоту отъ него принимаютъ" съ великимъ страхомъ и благоговѣніемъ" (Б. на Быт. III, 56). Мы принесемъ вамъ пользу по силамъ нашимъ, или, лучше, благодать Божія даетъ намъ сказать для вашей пользы". (Вотъ объясненіе рѣчи Никола передъ принятіемъ Патріаршества и требованія имъ послушанія).

Пасомые должны повиноваться и священнику, ведущему жизнь недостойную сана. „Хоть бы священникъ былъ нечестивъ, должно его уважать, ибо и черезъ нечестиваго дѣйствуетъ Богъ... Если ты презираешь священника, то презираешь не его, а рукоположившаго его Бога (Б. на 2 Тим. 26). Какого осужденія достойны тѣ, которые пренебрегаютъ служителями Божиими? Ужели вы не знаете, что честь, имъ воздаваемая, переходитъ къ Господу всяческихъ? Итакъ не смотри на того, кто пріемлетъ честь. Ибо не ради его самого ты долженъ дѣлать то, что требуется отъ тебя, но ради Того, Кому онъ служить, чтобы ты могъ получить отъ Него щедрое воздаяніе... Ибо Господь усвоитъ Себѣ какъ честь, воздаваемую Его служителямъ, такъ и презрѣніе ихъ" (Б. на Быт. III, 434—5). Въ одномъ только случаѣ пасомые не только освобождаются отъ обязанности повиновенія пастырю, но и обязаны удаляться отъ него: это когда нечестивость пастыря касается ученія, а не жизни его, т. е. если они будутъ возвѣщать противное Божественному ученію.

Пасомые по Златоусту не имѣютъ права вмѣшиваться въ церковныя дѣла, а, тѣмъ болѣе, принимать на себя священныя обязанности пастыря. „Изъ многихъ событій весьма ясно можно видѣть, какъ далеку долженъ быть подчиненный отъ того, чтобы исправлять дѣла священниковъ. Такъ нѣкогда, при возвращеніи кивота, когда нѣкоторые изъ подчиненныхъ, увидѣвъ его наклонившимся и готовымъ упасть, поправили его, то подверглись наказанію на томъ же самомъ мѣстѣ, бывъ поражены Господомъ и павши мертвыми. Между тѣмъ они не сдѣлали ничего худого; они не наклонили кивота, а поправили его, когда онъ наклонился и готовъ былъ упасть. Но, чтобы вполне убѣдиться въ достоинствѣ священниковъ и въ томъ, какъ непозволительно челоѡку подвластному, принадлежащему къ числу мірянъ, исправлять такія дѣла, Богъ умертвилъ ихъ среди множества народа, съ великою силою устрашая всѣхъ прочихъ и внушая никогда не приближаться

къ недоступнымъ предметамъ священства. Подлинно, если бы каждый, подъ предлогомъ исправленія худо сдѣланнаго, сталъ присвоять себѣ достоинство священства, то никогда не было бы недостатка въ предлогахъ къ исправленію, и всѣ перемѣшались бы между собой такъ, что мы не различали бы ни начальника, ни подчиненнаго" (См. на р. м. II, 455).

Власть духовнаго руководства принадлежитъ особю на то поставленнымъ служителямъ Церкви. **Въ проявленіи своемъ она должна быть всегда чужда насилія и принужденія.**

„Наше дѣло совѣтывать вамъ и увѣщевать васъ. Совѣтникъ говорить, что должны, но не принуждаетъ слушателя, предоставляя ему полную свободу — принять или не принять совѣтъ" (Б. на Еф. 206). Но, кромѣ кроткихъ мѣръ увѣщеваній съ любовью, пастырь имѣетъ въ рукахъ своихъ и власть; на нѣкоторыя натуры можно дѣйствовать только приказаніемъ. Павелъ повелѣлъ Тимофею: обличи, запрети, умоли (2 Тим. 4, 2), по сей причинѣ обличай ихъ нещадно (Тит. 1, 13). Въ дѣлѣ руководства важень примѣръ личной жизни пастыря. Подчиненные обычно смотрятъ на нравы начальниковъ, какъ образецъ, и подражаютъ имъ. По слову Ап. Павла, самъ пастырь долженъ быть первообразомъ въ жизни, являясь передъ другими, какъ образъ, какъ одушевленный законъ, какъ правило и уставъ жизни благой" (Б. на 1 Тим. 178).

Характеръ церковныхъ наказаній по Златоусту.

Какъ крайнюю мѣру къ побужденію и исполненію церковнаго закона, пастырь имѣетъ наказаніе; но, въ отличіе отъ государственныхъ, они чужды матеріальнаго характера, отличны по цѣли, имѣя въ виду исправленіе, отличны и по примѣненію ихъ. Они не касаются политическихъ или соціальныхъ положеній грѣшниковъ, а состоятъ въ лишеніи или ограниченіи права пользованія благами, даруемыми Церковью.

Проф. Бердниковымъ собраны мѣста Св. Писанія, относящіяся къ церковному суду.

О судѣ надъ мірянами: Мѡ. 18, 15—18; Иоан. 20, 22, 23. 1 Кор. 5, 1—11; 2 Кор. 2, 6—11; 2 Сол. 3, 6, 14, 15; 1 Тим. 1, 20; пр. Ап. 52; **О судѣ надъ клириками:** 1 Тим. 5, 19, 20; пр. Ап. 31, 32, 74, 75;

О наказаніи мірянамъ: Іуд. 22, 23; 2 Иоан. 10, 11; 1 Иоан. 2, 19; 1 Кор. 5, 1—11; 16, 22; 2 Кор. 2, 9—11; 2 Сол. 3, 6, 14, 15; 1 Тим. 1, 20; Тит. 3, 10; Гал. 1, 8, 9; пр. Ап. 9, 10, 12, 13, 24, 31, 48, 51, 63—

73, 84; **о наказаніи клирикамъ:** пр. Ап. 3, 5—8, 11, 12, 15, 16, 20, 23, 25, 27—31, 35, 36, 42—60, 62—70, 72, 76, 81—84; о принятіи въ общеніе кающихся: 2 Кор. 2, 5, 10; пр. Ап. 52; **о покаяніи:** 1 Иоанн. 5, 16; 1 Иоан. 1, 9; 2, 1, 2; 2 Кор. 12. 21; о неумѣстности въ Церкви наказаній матеріальнаго свойства: Лук. 22, 50, 51; Мѡ. 13, 28, 29; 26, 51—53; Иоан. 18, 11; пр. Ап. 27.

Какъ крайняя мѣра противъ самыхъ упорныхъ грѣшниковъ есть анаѡема. „Что значитъ анаѡема? Не то ли, что такой то сдѣлался жертвой дьявола, не имѣлъ права на спасеніе, былъ отверженъ отъ Христа? Анаѡема совершенно отлучаетъ отъ Христа?" (Сл. на р. сл. II, 326-7). „Что есть отлученіе? Послушай, что говоритъ самъ Павелъ: аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа, да будетъ проклятъ (1 Кор. 17, 22), т. е. да будутъ прерваны съ нимъ связи и сдѣлается онъ для всѣхъ чуждъ. Какъ никто не смѣетъ касаться безъ нужды руками или прикасаться къ дару, который посвященъ Богу, такъ и отлученнаго отъ Церкви отсѣвая отъ всѣхъ, и какъ бы сколько можно болѣе отдѣляя, Апостоль въ противоположномъ смыслѣ называетъ именемъ отложеннаго дара (ἀνάθημα) и тѣмъ предувѣдомляетъ всякаго, чтобы онъ со страхомъ удалялся и бѣжалъ прочь отъ такого человѣка. Къ дару никто не осмѣливался приближаться изъ уваженія; съ отлученнымъ же прерывали связи по противоположному чувству. Въ обоихъ случаяхъ одинаково прерывается связь и предметъ дѣлается для людей чуждымъ" (Б. на Рим. 390). Самъ Златоустъ подвергъ отлученію за посѣщеніе театральныхъ зрѣлищъ вопреки его увѣщаніямъ. Съ отлученнымъ должны прекращаться не только церковныя, но и житейскія отношенія. Златоустъ говоритъ пасомымъ: „Пусть отлученный отверженъ будетъ и вами и станетъ общимъ врагомъ... Сдѣлайте вотъ что: не разговаривайте съ нимъ, не принимайте его въ домъ, не раздѣляйте съ нимъ трапезу, не имѣйте съ нимъ общенія ни при входѣ, ни при выходѣ, ни на торжищѣ" (Сл. на р. сл. II, 347).

Церковное отлученіе (анаѡема) не ограничивается внѣшнимъ отдѣленіемъ виновнаго отъ общества другихъ христіанъ, ибо одновременно грѣшникъ исключается изъ числа членовъ Церкви Самимъ Богомъ (Мѡ. 18. 18.) Небо получаетъ начало суда съ земли. Судья судитъ на землѣ, а Владыка слѣдуетъ за рабомъ; что послѣдній присуждаетъ внизу, то Онъ утверждаетъ горѣ". (Сл. на р. сл. 1, 255). „Преступно не столько дѣланіе грѣха, сколько безстыдство послѣ грѣха".

„Грѣшникъ подвергается анаѳемѣ послѣ нераскаянія въ 3 судахъ" (Мѳ. 18, 15-17).

Преданіе сатанѣ — особая форма отлученія.

Отлученіе дѣлается ради нравственнаго исправленія грѣшника; при раскаяніи грѣшникъ принимается опять въ общеніе церковной властью.

„Я хотя съ прискорбіемъ не пожалѣю наложить тягчайшее наказаніе, ибо гораздо лучше испытать скорѣ здѣсь, избавиться отъ будущаго наказанія" (Сл. на разн. сл. 11, 348).

„Весьма справедливо будетъ назвать Церковь и судилищемъ и врачебницей, и училищемъ любомудрія, и мѣстомъ, гдѣ назидается душа. А что духовное начальство есть власть самая кроткая, несмотря на большую его взыскательность, сіе увидите изъ слѣдующаго: гражданскій начальникъ, поймавъ прелюбодѣя, тотчасъ наказываетъ его, но какая отъ того польза? Это значить не порокъ „истребить, но отринуть уязвленную душу. Духовный же начальникъ, нашедъ виновнаго, спѣшитъ не наказывать его, но изгнать изъ него страсть. А ты дѣлаешь такъ, если бы при случившейся болѣзни, не болѣзнь сталъ унимать, а отсѣкъ бы голову. Не такъ я дѣлаю — я отсѣкаю самую болѣзнь. Я удаляю такового отъ Св. Таинъ и изъ храма. Когда же онъ возстанетъ очистится отъ грѣха и исправится черезъ покаяніе, опять воспринимаю. Церковь есть духовная баня, многоразличными способами покаянія омывающая не нечистоту тѣла, а скверну души. Ты, если отпускаешь его не наказаннымъ, дѣлаешь еще худшимъ, а, если наказываешь, оставляешь неизлѣченнымъ; но я не оставляю безъ наказанія и не наказываю какъ ты; я вмѣстѣ и налагаю наказаніе, какое мнѣ прилично, и исправляю то, что имъ сдѣлано" (Б. на 2 Кор. 347-8). Церковная власть существуетъ въ Церкви для раздаянія благодатныхъ даровъ и для наблюденія за соблюденіемъ христіанскихъ заповѣдей. Государство, признавая Церковь, какъ Божественное учрежденіе, не можетъ не признавать и ея особой миссіи и отказывать ей въ правѣ на свободное ея выполненіе.

Мы нарочно подробно остановились на ученіи Златоуста о Церкви, ибо на каждомъ шагу, изучая Никоновскія идеи, будемъ видѣть, что именно Златоустъ былъ главной основой ихъ и опорой. Показанное нами его ученіе о Церкви, о церковномъ законѣ и церковной власти достаточно иллюстрируютъ, что Церковь есть совершенно самобытный, самостоятельный по происхожденію союзъ, имѣющій свои особыя цѣли и средства, а потому, если глава другого

союза — государства усваиваетъ себя ея функціи, то этимъ онъ совершаетъ захватъ, объясняющійся недостаточнымъ пониманіемъ того, что передъ нимъ — не языческая религія, а совершенно другая, а потому и отношенія къ ней со стороны государства, признающаго христіанство, должно быть совершенно иное. Это обстоятельство повело къ тому, что христіанскіе церковные дѣятели принуждены были отстаивать въ государствѣ самостоятельное положеніе Церкви, какъ особаго учрежденія, въ тѣ времена, когда языческая традиція въ отношеніи къ религіи прорывалась наружу въ дѣйствіяхъ императоровъ. Фокусомъ, гдѣ скрещивались эти разнородныя стремленія, и была царская власть. Естественно, что Церковь не могла признать за нею тѣхъ указанныхъ нами полномочій, которыя та имѣла въ религиозныхъ дѣлахъ во времена язычества. ибо они стали для нея *jura in sacra*.